

ВЕЛИКИЙ ТЕАТР

ПОБЕДИТЕЛЬ

ЛЕТНИЕ ГАСТРОЛИ

Странная и таинственная история взаимоотношений Чайковского и Надежды фон Мекк, которые не были знакомы, ни разу не слышали голоса друг друга... Духовный мир двух людей, который раскрывается от письма к письму, потому что от письма к письму двое все больше доверяют один другому и почитают величайшим счастьем в жизни это доверие. Автор Ю. Оснос строит пьесу «Незримый друг» на письмах и неслучайно называет ее документальной повестью.

Двое на сцене (не считая трех эпизодических ролей) — так уже было в известном спектакле МХАТа «Милый лжец», где чудо театрального искусства демонстрировали Кторов и Степанова. Тем более любопытно, как поведут себя в ролях не только сложных, но и очень знакомых каждому зрителю и по толстому тому переписки Чайковского с Мекк, и по обошедшему экраны фильму «Чайковский» — народная артистка РСФСР Л. С. Антонюк и заслуженный артист РСФСР Ф. М. Мокеев.

Чайковский у Мокеева — прежде всего, человек тонко чувствующий, бесконечно честный, скромный и порядочный, глубоко преданный родине и искусству. Та мятущаяся страстная душа художника-гиганта, которая не дает спокойно жить и спать, которая заставляет страдать и радоваться сверх человеческой меры болью и счастьем героев каждого музыкального произведения, — осталась в кадре у Смоктуновского. В спектакле Московского драматического театра им. Пушкина (постановка В. А. Успенского) муки творчества спрятаны, они лишь угадываются за деликатностью русского интеллигента, с душой хрупкой и легко ранимой, за его неожиданной непреклонной твердостью, когда он встречается с фальшью, пошлостью, жадностью, непониманием высокого назначения искусства. С этой точки зрения каждый из трех эпизодических персонажей, что по ходу действия сталкиваются с композитором, помогает раскрыть характер Чайковского и его взгляды на жизнь. Антонина Ивановна Милюкова, жена Петра Ильича (арт. М. И. Жигунова) — это нарядившаяся в костюм мечтательной чувствительной барышни пустота и пошлость, от которой не знает, куда спрятаться, куда бежать, композитор. Действительный статский советник Шеншин (арт. В. В. Торстенсен) — олицетворение власти, которая считает, что деньгами купила себе право распоряжаться искусством. Чайковский убийственно холоден в этой сцене, он не имеет чести знать господина... Наконец, певец Торсов (арт. Ю. М. Ильчук), купающийся в известности и покровительственно дающий советы Чайковскому, — это те деятели «от искусства», что имеют дешевый сиюминутный успех и которым не дано проникнуть в истинный смысл большого художественного произведения. Композитор относится к таким с состраданием: да, лично у него никогда не было ни квартиры, ни денег вдоволь, он не был так сыто-благополучен, но зато он знает высшее наслаждение — творчество.

Музыка живет в нем всегда. В Браилове он слышит ее в таинственной тиши леса, в цветущей глубине аллей, в ярких национальных костюмах девчат и парубков. Во Флоренции ее рождают сочные краски юга. В Москве прекрасным звучанием наполнены дождевые капли и осенние листья, темные зимние вечера и одинокие снежные ночи. Музыка и в спектакле (зав. музыкальной частью И. Г. Пичхадзе) возникает как-то вдруг, будто озарение — в середине какой-то мысли или в конце очередного письма. Музыкальные образы постоянно роятся где-то в сознании художника. Вель Чайковский работает всегда, а не только в минуты вдохновения; и потому музыка, которая может родиться в любой момент, присутствует на сцене как персонаж, а не как сопровождение. Незримый друг — это и музыка: пожалуй, прежде всего — музыка. Она то врывается мощными аккордами симфонии, подтверждая свое могучее и неодолимое право на завтрашний день, то входит нежно и мягко, повествуя о мучительном споре Чайковского-композитора, который, чтобы иметь возможность творить, всегда стремился к одиночеству; и Чайковского-человека, который страдал от одиночества, тянулся к людям, к их пониманию. Недаром таким шутиливо-беспомощным выглядит его совсем не веселое письмо к брату Модесту...

Надежда Филаретовна Фроловская (фон Мекк) — словно светлое окно в океане окружающего Чайковского одиночества. Как оценили его новую симфонию в Москве? Ни одного письма, ни одной телеграммы от друзей, ни одной строчки в газетах. А ему казалось, что это лучшее из всего им созданного, он писал симфонию струнами сердца, то был сложнейший в его жизни период... Надежда Филаретовна не утешает, она вместе с ним переживает глухую стену молчания, но она не может не высказать того, что перечувствовала сама: когда слушала эту необыкновенно искреннюю музыку. Л. Антонюк играет фон Мекк очень сдержанно, и тем более бурно вырываются у нее наружу те всплески чувств, которым тесно в богатой кружевной рамке ее нарядного дома. В бархатной шелка затянута светская дама душой распахнута навстречу исконно народному в прекрасной музыке Чайковского, когда-то и она была бедна, немало страдала, да и теперь осталась поклонницей Чернышевского и Писарева. Я земная, — не раз повторяет Надежда Филаретовна, — а вы идеалисты. Но эта земная женщина, которая в страхе признается, что любит Чайковского не только как композитора, находит в себе силы уйти, уехать, отказаться от борьбы за земное свое счастье во имя гораздо большего. Потому что чутким и умным любящим сердцем понимает: в неразрешимом вроде бы споре между Чайковским-композитором, всего себя отдающим работе, и Чайковским-человеком, тоскующим по человеческому теплу, должен, просто обязан победить художник, который приносит своим гениальными произведениями радость сопереживания многим людям. Так имеет ли право идти в какое бы то ни было сравнение с этим большим и бессмертным смыслом искусства маленькое смертное счастье двоих?

Великая музыка Чайковского выходит победителем в споре. И в этом главная идея спектакля.

А. ДОКУЧАЕВА.

НА СНИМКЕ: заслуженный артист РСФСР Ф. Мокеев в роли Чайковского.